

Выходные данные:

С.Г. Шафиков. Любовь: категория или концепт // Языковые и речевые единицы в разных языках. – Уфа, 2006, РИО БашГУ, 3-36.

< стр. 3 >

С.Г. Шафиков

Любовь: категория или концепт?

1. *Метаязык современной лингвистики*

Вероятно, самым важным для языкознания сегодняшнего дня является упорядочение метаязыка. Конечно, можно запастись терпением, ожидая, что понятийный аппарат, повинувшись эволюционным закономерностям, со временем адаптируется к лингвистическому ландшафту, однако по-человечески всегда жаль видеть определенные, менее приспособленные метаязыковые формы, обреченные на вымирание. Сочувствие к существующим в этом ландшафте маловразумительным формам заставляет *volens nolens* отказаться от позиции лингвистического дарвинизма, чтобы искусственно привязать реликтовую метаязыковую фауну к среде обитания. Впрочем, даже если подавить «человеческое, слишком человеческое» желание сохранить эти реликты, невозможно обойти объективный закон взаимного влияния означающего и означаемого. Из этого закона следует, что не только развитие знания вызывает к жизни символы, представляющие это знание, но и сами символы оказывают влияние на мировоззрение.

Профессор Троттельрайнер из повести С. Лема «Футурологический конгресс» приводит забавные выкладки футуристического прогноза, основанные на деривационных возможностях языка, например противопоставление *я - явь* имплицитно подразумевает якобы корреляции типа *ты – тывь*, *мы – мывь* и т.д., что, по мысли профессора, должно означать появление множественности сознания в обществе будущего. Как бы это смешно ни выглядело, реальное существование долго живущих случайностей в языке заставляет задуматься о необходимости закономерной функциональной

оптимизации выражений, которые характеризуются множественностью интерпретаций.

Множественность смыслов, порождая досадную неопределенность, объясняется отсутствием прочной теоретической базы основного направления современного языкознания, то есть когнитивной лингвистики. Несмотря на огромное < стр. 4 > число эмпирических исследований, выполненных в этом модном русле, базовые категории остаются все еще размытыми. «Тот факт, - пишет С.В. Иванова, - что метаязык когнитивной лингвистики не устоялся, находит свое выражение в различных интерпретациях одних и тех же терминов, постоянном создании новых, которые соперничают с уже имеющимися в том, что касается области применения и определений, в выявлении различных взаимосвязей между имеющимися терминами» [Иванова 2004: 126]. Уже традиционными становятся вопросы о разграничении концепта и категории, концепта и значения, концепта и понятия, концепта и концептуальной сферы и т.д., уже приходится задумываться над тем, является ли любовь, или цвет, или оценка концептом или категорией.

Целью настоящей статьи является попытка, с одной стороны, более четко разграничить самые употребительные понятия когнитивной лингвистики, а, с другой стороны, снять некоторые искусственные различия между понятиями «концепт» и «категория», которые иногда интуитивно смешиваются, а иногда драматически друг другу противопоставляются. Остается лишь сожалеть о том, что полностью упразднить сейчас соответствующие термины невозможно; ведь это было бы то же самое, что закрыть Америку (несмотря на всю возможную пользу от этого закрытия). Если уж нельзя закрыть Америку, надо ее простить и приспособить к решению проблем сегодняшнего дня.

2. Категоризация

Самое важное, с чем человек сталкивается в жизни, есть категоризация, то есть подведение всего и вся, что его окружает, под некие общие разряды. В этом смысле категоризация есть обобщение (типизация) составных частей мира. Типизация или, иначе говоря, подведение под тип («рубрику опыта»)

происходит постоянно, безостановочно и независимо от сознания человека. Обобщается то, что человек видит (дерево, птица, дом и т.д.), что делает (например, человек катается на лодке, на велосипеде, карусели), о чем размышляет, отвлекаясь от обыденности жизни (например о грамматических явлениях, таких как предложение, < стр. 5 > число, падеж, таксис и т.д.), что оценивает через свою призму чувств (что такое хорошо и что такое плохо).

В своей современной трактовке (в отличие от трактовки категорий Аристотелем) проблема категоризации восходит, вероятно, к мысли Б.Ли Уорфа о выделении (*isolating*) разрядов, которые включают не самоочевидные сущности, а сущности, испытавшие влияние языка [Уорф 1961: 174]. После Уорфа обнаруженные в языках расхождения в именовании некоторых смыслов или смысловых пар, таких как «день», «дерево», «мать», «рука»/«кисть руки», «голова»/«ум», «любовь»/«болезнь», «страх»/ «сердце упало» и т.д., а также логических отношений, таких типа «целое»/«часть» или «общее»/ «частное», «общее»/«различное» и т.д. стали называться различиями в способе категоризации. В настоящее время термин *категоризовать* (*categorize*) употребляется чаще всего в значении «членить, подводить под родовое имя, обобщать» [Михеев, Фрумкина 1991: 46], о чем можно судить по таким контекстам как *членение на категории, структура категории, наивная категоризация, категория мебели, любви, цвета* и т.д.

Главными для человека являются *повседневные категории*, за которыми стоят повседневные понятия, например категории СОБАКА, СИНИЙ, СЛОВО, ЛЮБОВЬ и т.д., в отличие от *научных категорий*, которые являются либо слишком общими, либо слишком специальными для человеческого сознания (ср. категории СОБАКА vs МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ, СИНИЙ vs УЛЬТРАМАРИНОВЫЙ, СЛОВО vs ЛЕКСЕМА, ЛЮБОВЬ vs ЭМОЦИЯ vs ЛИБИДО и т.д.). Категоризация есть ключ к пониманию человеческого мышления, то есть, в конечном случае, к пониманию того, что представляет собой человек.

Любая повседневная категория характеризуется наличием, с одной стороны, объектов категории, с другой стороны, признаков, по которым данные

объекты считаются принадлежностью категории. Например, категория ПТИЦА включает такие объекты как воробей, аист, курица, орел, колибри и т.д., которые в той или иной степени характеризуются типическими признаками (наличие клюва и перьев, способность летать и петь и т.д.). При этом одна и та же категория может включать разные типы объектов в < стр. 6 > зависимости от уровня категоризации. Обыденное сознание оперирует базовым (средним) уровнем, который не требует специальных знаний об объектах и легко усваивается, в частности, детьми. Например, перечисленные выше объекты категории ПТИЦА относятся к базовому уровню, в отличие от более высокого (суперординатного) уровня (например, хищные, куриные, журавлеобразные, веслоногие, голенастые, попугаи, длиннокрылые птицы и т.д.) или более низкого (субординатного) уровня абстракции (например, журавлеобразные птицы подразделяются на следующие виды: журавли, трехперстки, агами, пастушки, солнечные цапли, лапчатонogi, дрофы, авдотки и т.д.) [Советский энциклопедический словарь 1980].

Объекты категории не всегда располагаются по отношению друг к другу в иерархическом порядке, поскольку членение одного и того же множества может осуществляться по разным основаниям, особенно если речь идет о социальных категориях. Например, социальная категория ПРОДАЖНАЯ ЖЕНЩИНА (в античную эпоху) может включать в себя несколько видов объектов: 1) *по гражданскому статусу*: а) рабыни, б) вольноотпущенные, в) свободные; 2) *по семейному статусу*: а) тайные (замужние), б) явные); 3) *по квалификации*: а) проститутки низшего разряда (бордельные, уличные, рыночные, мостовые, мельничные, лесные, кладбищенские), б) проститутки среднего разряда (флейтистки, фокусницы, танцовщицы, театральные проститутки, цветочные проститутки, вольноотпущенные гетеры, в) проститутки высшего разряда (свободнорожденные гетеры); 4) *по типическим градуированным признакам проституток* (лицемерие, нахальство, зависть, корыстолюбие, склонность к пошлости, склонность к вину, наивное благочестие, стремление к яркой одежде для привлечения клиентов, похотливость и т.д.).

В большинстве случаев между повседневными категориями существуют размытые границы. Например, в древнем мире, как и в настоящее время, трудно было провести четкую границу между категориями ЧЕСТНАЯ ЖЕНЩИНА и ПРОДАЖНАЯ ЖЕНЩИНА. Несмотря на регламентацию античных реформаторов (учреждение государственных борделей Солона, топографическое обособление кварталов проституток, таких как < стр. 7 > Сабура в Риме или Керамеикос в Афинах, законы, запрещающие браки между полноправными гражданами и проститутками, закон Селевка о ношении драгоценных платьев и золотых украшений, запрещенных для честных женщин и т.д.) отличить честную женщину от проститутки удавалось лишь с известной долей приближения, поскольку каждый из типических признаков проститутки, перечисленных выше, или все эти признаки вместе можно отнести также к представителям других социальных слоев. Сложность размежевания таких понятий как «брачная связь», то есть связь с честной женщиной, и «внебрачная связь», то есть связь с проституткой, усугублялось существованием учреждений, подобных конкубинату, который узаконивал внебрачную связь в качестве временного союза [Блох 1994: 399].

Как правило, категория получает наименование или может обозначаться несколькими наименованиями в языке. Например, для наименования продажной женщины в латинском языке употребляются слова *meretrix* (ср. *mereo, merere* «зарабатывать»), *prostituta* (ср. *prostitutio* «осквернение»), *prostibula, prostibulum* (ср. *prosto, prostare* «стоять перед домом, выставлять товар»), *proседа* (ср. *proседео, proседере* «сидеть перед домом»). В эту категорию не входит *concupina*, поскольку это означало бы отождествление проституции со всеми другими незаконными формами удовлетворения полового инстинкта. Кроме того, в категорию античных проституток не входят объекты, которые обозначаются наименованиями *pellex* «возлюбленная или любовница женатого человека» и *amica* «галантная женщина, которая имеет половые сношения лишь с немногими мужчинами по выбору». Главный признак проститутки – продажность, то есть способность вступать в половые сношения с неопределенным множеством лиц с полным равнодушием к

личности полового партнера. Поэтому женщин, имеющих случайные связи или находящихся «на содержании», нельзя причислять к проституткам, в отличие от нимфоманок, страдающих повышенным влечением к половым партнерам, которым они отдаются без разбора, даже без вознаграждения.

Вследствие размытых границ между категориями определить принадлежность объекта к категории лучше всего через сравнение данного объекта с «лучшим примером», или с *конечной < стр. 8 > составляющей категории*, минимальным пределом типизации. Например, лучшими примерами (символами) категории ПРОДАЖНАЯ ЖЕНЩИНА (в античную эпоху) можно считать известных для своего времени гетер: 1) *символ похотливой проститутки* - Валерия Мессалина, жена императора Клавдия, которая вступила в состязание с самой известной в Римской империи проституткой и превзошла ее; 2) *символ жадной проститутки* - Клодия, жена сенатора Метелла Целера, по прозвищу «Грошовая»; 3) *символ проститутки-ханжи* – Теодора, супруга Юстиниана, еще ребенком проституированная в театральном борделе, которая, став императрицей, полностью оправдала пословицу о проститутке в молодости и ханже в старости; 4) *символы образованных гетер высшего разряда* – Родопис из Навкратиса, Таис из Афин, Аспазия из Милета (подруга Перикла), Кирена, написавшая книгу о фигурах Венеры [Блох 1994: 225].

3. Размытые понятия

Размытость категорий относится не только к повседневным категориям типа ПТИЦА или ПРОДАЖНАЯ ЖЕНЩИНА, но и к научным категориям типа КОНЦЕПТ и КАТЕГОРИЯ. В работах по когнитивной семантике, особенно зарубежных, эти понятия рассматриваются, как правило, вне зависимости друг от друга. Фокус внимания исследователя когнитивистского толка обычно сосредоточен либо на категориях разных типов (ср. градуированные, перцептивные, социальные, естественные, артефактные категории, категории базового уровня и т.д.), либо на концептах, которые также различаются по

типам (чувственные образы, гештальты, понятия, фреймы, схемы, скрипты и т.д.) [Бабушкин 1998: 12-15].

Сравнивая между собой категории и концепты, следует иметь в виду, что сравнивать можно лишь сопоставимые понятия. Сопоставимыми можно считать такие виды ментальных единиц как наивная (повседневная) категория и концепт, который является результатом не логических ментальных операций, а наивной концептуализации: концепт-понятие, концепт-представление, < стр. 9 > концепт-ассоциация; при этом главным видом всех концептов признается концепт-понятие.

Прочие виды концептов, исключаемые из сравнения концептов и категорий, можно свести к двум основным типам. Первым типом является понимание концепта как двусторонней единицы языка, например А. Вежицкая понимает концепты как «ключевые слова». Вторым типом является понимание концепта как односторонней единицы (значения): ср. следующие интерпретации: «алгебраическое выражение значения» (Д.С. Лихачев), «созначение национального колорита» (В.В. Колесов), «инвариант значения лексемы» (Е.В. Рахилина), «смысл» (Ю.С. Степанов) [Самигуллина 2006: 50-56].

Однако можно ли вообще сравнивать между собой и тем самым противопоставлять категории и концепты, даже если понимать под концептами внеязыковые ментальные структуры, то есть понятия как наиболее общие представления о сущностях объективного мира?

1. Сомнительно противопоставление категории концептам по схеме, в соответствии с которой объекты реального мира представляют категории, а понятия об этих объектах представляют концепты. Во-первых, в антропоцентрической модели мира не существует объектов мира, о которых нельзя было бы помыслить; во-вторых, человек распределяет по рубрикам не сами вещи, свойства и отношения, а свои представления, мысли, понятия обо всех известных ему формах материи. Поэтому и категории, и концепты суть ментальные образования (структуры мышления).

2. Сомнительно противопоставление концептов и категорий по способности/неспособности вступать в иерархические отношения с однородными явлениями. Утверждение о том, что концепты различают себя друг от друга, а категории объединяют их различным образом в определенные культурно-обусловленные множества, верно лишь отчасти, точнее, не абсолютно. Можно говорить и об иерархии концептов (концепты, микроконцепты, суперконцепты), и об иерархии категорий (категории, суперкатегории и субкатегории).

3. Сомнительно представление, основанное на том, что категории образуют стабильные множества (пределом < стр. 10 > стабильности можно считать универсальные структуры), в отличие от концептов, которые варьируются от культуры к культуре и от языка к языку. Например, множества СОРНЫЕ РАСТЕНИЯ, КАРТОФЕЛЬ, ЯДОВИТЫЕ РАСТЕНИЯ можно признать категориями, которые существуют наравне с таксономическими множествами по биологическим признакам, образующими иерархии, например: сложноцветные растения → двудольные растения → покрытосеменные растения → цветковые растения → высшие растения. Тот факт, что категория КАРТОФЕЛЬ в наивной категоризации относится не к овощам, а образует отдельную рубрику, объясняется культурой, а не наукой.

4. Сомнительно узуальное употребление соответствующих терминов, основанное на том, что концепты стоят к языку ближе, чем категории, поскольку репрезентантами концептов являются языковые значения, а репрезентантами категорий являются сущности объективного мира. Сущности объективного мира, отраженные в голове человека, ищут свое выражение в языке и находят его именно в виде значений. В большей близости концептов к языковым формам, в отличие от категорий, которые могут и не иметь форм, закрепленных в языке однозначным образом, еще нет драматического противопоставления между концептами и категориями. Достаточно сравнить определение значения Е.С. Кубряковой («значение есть концепт, схваченный знаком» [Кубрякова 1997: 31]) с определениями концепта Е.В. Рахилиной («способ обобщения человеческого опыта») [Рахилина 2000: 7] или С.Г.

Воркачевым («способ и результат квантификации и категоризации знания») [Воркачев 2003: 6], чтобы увидеть отсутствие существенного различия между концептом и категорией. В когнитивных исследованиях одна и та же ментальная структура может называться и категорией, и концептом.

5. Сомнительно отграничение категорий от концептов по таким важнейшим характеристикам, как прототип и базовый уровень. Понятие базового уровня иногда относится к категоризации, а иногда к концептуализации. Под прототипом как наиболее легко выделяемым репрезентантом ментальной структуры может пониматься либо 1) наиболее типичный объект < стр. 11 > данного сегмента внеязыкового мира (например, «воробей есть прототип категории ПТИЦА для северных широт»), либо 2) наиболее распространенное значение («модель») (ср. модель «биологическая мать» в известном кластере Дж. Лакоффа наряду с такими моделями как «жена отца», «суррогатная мать», «женщина, которая занимается воспитанием ребенка»), либо 3) основное слово с простой структурой (например в цветообозначениях).

6. Сомнительно, что различие между концептами и категориями лежит в различном понимании содержания, то есть вряд ли справедливо утверждение о том, что концепт определяется интенционалом, а категория экстенционалом (или двуединством интенционала и экстенционала [Saugstad 1990: 97]. Всякое понятие (а понятие есть главный вид концепта) указывает на референтный разряд, а всякий референтный разряд строится из сравнения понятий, поэтому эти виды знания часто смешиваются. Например, Э. Рош, которой мир современного языкознания в значительной степени обязан своей «когнитивизацией», делает невольную подмену: рассматривая цветообозначения, она исследует экстенционал (лучшие образцы цветов, представленные в табличках Манселла), а, рассматривая так называемые семантические категории (ПТИЦА, ФРУКТ), исследует интенционал.

Таким образом, корреляция между понятиями «категория» и «концепт» представляется весьма запутанной, что приводит к синонимизации,

следовательно, к взаимной замене соответствующих терминов по отношению к одним и тем же ментальным структурам.

4. Теоретически возможные подходы

Множественность смыслов понятий «концепт» и «категория» можно свести к следующим логически возможным интерпретациям их взаимоотношений.

1. Концепт и категория суть явления разного порядка. Концепт относится к сфере мышления, обозначая квант знания, существующий в виде оперативной единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга [КСКТ 1996: 90]. Категория также относится к сфере мышления, однако **< стр. 12 >** представляет собой не единицу, а разряд, рубрику опыта, множество объектов (*представителей, лучших образцов, примеров*). Объекты категории объединяются вместе в силу либо 1) соответствия *всех* объектов определенному набору характеризующих признаков (классические категории), либо 2) в силу близости объектов к *прототипическому* (центральному) объекту («лучшему представителю» категории), либо 3) в силу «семейных сходств» Л. Витгенштейна.

2. Концепт и категория представляют собой тождественные понятия. Как уже указывалось выше, отсутствие строгого разграничения этих понятий приводит к своеобразным прототипическим эффектам: есть что-то, что «больше похоже» на категорию, а что-то «стоит ближе» к концептам. Поэтому прототипы иногда относятся к видам концептов [Бабушкин 1998, Болдырев 2000, Попова-Стернин 2002], иногда - к категориям [Lakoff 1990]; базовый уровень обычно считается уровнем категоризации, но иногда говорится о концептах базового уровня [Lakoff 1990: 270]; иногда иерархия явлений, связанных между собой родо-видовыми отношениями, относится к концептам, иногда к категориям.

3. Концепт и категория представляют собой пересекающиеся понятия. Различие между концептом и категорией не является абсолютным, поскольку и то, и другое суть ментальные явления (структуры). Различие

определяется, *во-первых*, наличием или отсутствием экстенционала (экстенсионалом обладает только категория, но не концепт), *во-вторых*, типом интенционала.

Интенционалы концепта и соответствующей категории различаются целостностью ментального представления. *Интенционал концепта* является целостной ментальной структурой (образом), например интенционал концепта «птица» можно представить себе в виде живого существа, описанного словарной дефиницией: «покрытое перьями и пухом позвоночное животное с крыльями, двумя конечностями и клювом» [Ожегов 2000]. Признаки значения наименования, которое вербализует данный концепт, образуют ограниченный набор сем, представляя только семы, «достаточные и необходимые» для отграничения **< стр. 13 >** птиц от не-птиц. *Интенционал категории* является набором признаков, который включает как наиболее существенные (концептуальные) признаки, так и менее существенные признаки, варьируемые по степени приближения к норме (прототипу). Например, интенционал категории ПТИЦА включает признаки: «наличие крыльев», «наличие перьев», «наличие двух ног», «наличие клюва», «умение летать», «умение петь», «форма глаз» (округлая форма), «отсутствие зубов», «происхождение» (потомок древних ящеров) и т.д.

Различие в содержании интенционала концепта и категории позволяет говорить о двух типах толкования описываемого объекта, то есть о его концептуальном или категориальном определении. Например, концептуальное определение любви из толкового словаря «глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство» [Ожегов 2000] можно сравнить с категориальным определением: «чувство любви может быть умеренным, сильным или граничащим с безумием»; «чувство любви может быть разделенным или неразделенным»; «чувство любви может характеризоваться доверием или ревностью» и т.д.

Концептуальное определение соответствует внутриязыковому содержанию языковой единицы, в отличие от категориального определения, которое относится к внешнему содержанию языка. Различие между

концептуальным, внутриязыковым толкованием и категориальным, внешнеязыковым толкованием соответствует различию между двумя типами значений, которые А.А. Потебня называет «ближайшим» и «дальнейшим» значениями. Например, определяя тип мужчины, который называется холостяком, можно ограничиться минимумом признаков, составляющих суть холостяка, то есть ограничиться концептом холостяка: «неженатый и не состоявший ранее в браке взрослый мужчина», или можно дать развернутое толкование. Развернутое толкование содержит указание на то, что этот мужчина находится в возрасте обычно старше 30 лет и что свое положение выбирает, как правило, сознательно, что существует целая типология холостяков, от женоненавистника до эротомана, что в среднем продолжительность жизни холостяка короче, чем у женатого мужчины и т.д. Кроме того, это определение можно дополнить [< стр. 14 >](#) оценочными характеристиками, связанными с представлением типичного взрослого человека о том, что холостяком быть хуже, чем женатым, что общество в целом хуже относится к холостяку, чем к женатому мужчине [Шафиков 2000б 292-293].

Иерархия концептов отражается в языке в виде иерархии языковых значений. Иерархия значений, в свою очередь, есть результат и условие иерархии их непосредственных семантических составляющих, сем. Идея иерархии сем, введенная в научный оборот Р.З. Мурясовым для объяснения словообразовательных моделей [Мурясов 1968: 29], обладает значительным объяснительным потенциалом, который позволяет рассматривать не только деривационные, но и многие другие семантические отношения языковых единиц, организованные по принципу иерархии. Например, семантические категории, такие как ПРЕДМЕТНОСТЬ, ОДУШЕВЛЕННОСТЬ, ПОЛ, АНТРОПОСФЕРА и т.д. актуализируются в значениях существительных как семы разных степеней обобщенности: сема I степени обобщенности («предметность») иерархически связана с семами II степени обобщенности («одушевленность» и «неодушевленность»), далее - с семами III степени обобщенности («мужской пол», «женский пол») и т.д. [Мурясов 1998: 46].

Истина, как всегда, лежит посредине, между крайними позициями. Поэтому, возвращаясь к логически возможным подходам к определению взаимоотношения между категориями и концептами в начале этого раздела, можно констатировать, что третий подход, связанный с интерпретацией этих понятий как пересекающихся типов ментальных структур, характеризуется наибольшей истинностной силой.

5. Возможные пути иррадиации синонимических понятий

Категоризация и концептуализация суть стороны одного процесса, связанного с деятельностью мышления; следовательно, результаты этого единого процесса, то есть категории и концепты, не могут быть принципиально разнородными явлениями. Определенная ментальная сфера может определяться и как категория, и как концепт. Однако, поскольку соответствующие < стр. 15 > понятия существуют, следует попытаться придать им более строгие смыслы (см. ниже).

Очевидным представляется следующее.

1. Концептуализация первична, категоризация вторична, хотя речь идет о сложном диалектическом процессе. Концептуализация направлена на выделение минимальных единиц опыта, а категоризация - на объединение этих единиц в более крупные группы. Категоризация опирается на уже сложившиеся концепты [Васильев 2004: 14]. В процессе категоризации складываются концепты, которые являются основой формирования категорий [Зайнуллина 2003: 72]. Суждение о принадлежности чего-либо к одной или разным категориям есть итог сопоставления двух концептуальных структур, и такое суждение обычно имеет форму высказывания «X есть пример категории Y» [КСКТ 1996: 46]. Например, «желтый», «зеленый», «красный», «черный», «белый» и т.д. суть объекты категории ЦВЕТ. Логически рассуждая, следует полагать, таким образом, что концептуализация предшествует категоризации, а не наоборот, то есть категории существуют, потому что существуют концепты, а не концепты существуют, потому что существуют категории.

2. Логически рассуждая, также можно полагать, что объекты мысли называются концептами или категориями в зависимости от точки зрения. Если эти объекты рассматриваются как конечные составляющие («конечные продукты мысли»), их следует считать концептами, которые представляют данную категорию и, в свою очередь, представлены языковыми выражениями. Например, желтый цвет как конечный объект (концепт) категории ЦВЕТ ассоциируется в русском языке с такими выражениями как *желтый дом, желтая лихорадка, желтая пресса, желтый билет, желтый профсоюз, восстание «желтых повязок», Желтая река, желтая акация*, а также: *желторотый (желторотый воробей), желтолицый, желтокожий, желточный, желтуха, желтизна, желтеть, желтить* и т.д. Если же сравнение ментальных объектов приводит к дальнейшему дроблению (иерархии), то речь идет о категориях. Например, варианты желтого цвета, такие как бледно-желтый, лимонно-желтый, золотистый, охристый, шафрановый, кукурузно-желтый, пшеничный, кэмел (песочный), **< стр. 16 >** составляют категорию ЖЕЛТЫЙ, которая, в свою очередь, является субординатной по отношению к категории ЦВЕТ, то есть рассматривается как субкатегория.

3. Концепты связаны, а категории не связаны с модальностью, то есть с субъективным отношением человека к объекту обозначения. Зоны функционирования оценки можно выделить вслед за Ш. Балли 1) в пределах эмоциональных реакций (удовольствие/неудовольствие), 2) в пределах моральных категорий (добро/зло), 3) в пределах эстетических норм (прекрасное/безобразное) [Балли 1961: 223]. Способность человека думать об одном сквозь призму другого лежит в основе метафорической по сути концептуальной системы, которая представлена языковыми значениями [Лакофф, Джонсон 1990: 387]. «Теория совмещения ментальных пространств» объясняет, как из области ИСТОЧНИК (source) в область МИШЕНЬ (target) переходит представление знания, вербально закрепляя информацию и при этом создавая образную оценку. При этом зоны функционирования оценки могут быть даже взаимно противоречивыми. Например, в содержании французской

фразы *prendre feu* «влюбиться» реализуется метафорическая модель «любовь» (ИСТОЧНИК) → «огонь» (МИШЕНЬ); оценка является отрицательной, поскольку огонь сжигает, следовательно, любовь есть зло; оценка является положительной, поскольку огонь греет, следовательно, любовь есть удовольствие. Можно утверждать, что концепт есть единство рационального и образного; при этом образное обычно предполагает оценку. Например, оценочным компонентом с положительной модальностью обладают слова, обозначающие объект любви в английском языке: *love* «любовь», *true-love* «истинная любовь», *precious* «драгоценный», *sweet* «сладкий», *sweetie* «сладенький», *sweetie-pie* «сладкий пирожок», *sweetheart* «сладкое сердце», *honey* «мед», *treasure* «сокровище», *baby* «детка».

4. Взаимодействие категорий приводит к новым смысловым единицам (концептам). Эти новые концепты отличаются от кодируемых в языке первоначальных ментальных репрезентаций, связанных с чувственными образами и образующими наивную концептуальную модель мира или ментальный лексикон. Новые < стр. 17 > концепты суть ассоциации, построенные на единицах ментального лексикона, которые тождественны категориям. Например, Эйнштейн и любовь относится к разным категориям: [УЧЕНЫЙ] и [ЧУВСТВО], однако известная фраза *в любви я Эйнштейн* создает новый концепт: «человек который превзошел науку любви, специалист по теории и практике любви». Концепт еще более усложнится, если противопоставить эту фразу фразе *в любви я Ньютон*, поскольку это вызывает совершенно противоположный ряд ассоциаций по сравнению с первой фразой. «Эйнштейн в любви» понимает парадоксы, например, такие как в содержании поговорки *любовь зла – полюбишь и козла* (то есть любовное чувство не всегда находит для своего выражения достойный объект). «Ньютон в любви» более рационалистичен; закон Ньютона, выраженный в формуле $F = mA$ (где F – сила, m – масса, A – ускорение), в метафорическом преломлении по отношению к любви можно интерпретировать следующим образом: чем больше m , то есть внешнего проявления, размаха, весомых материальных аргументов, то есть массы, тем больше F , то есть силы любви. Таким образом, наблюдение над

чувством любви сквозь призму научной парадигмы позволяет выявить новые концепты, отражающие онтологию этого великого феномена. Аналогичным образом соединение категорий [ПОЛИТИКА] и [ПРОДАЖНОСТЬ] приводит к образованию концепта «политическая проститутка». Однако проститутка находится в одном ряду с такими объектами как гетера, наложница, женщина легкого поведения, куртизанка, дама полусвета и т.д., то есть входит в категорию ПРОДАЖНАЯ ЖЕНЩИНА. В эту категорию не входит возлюбленная, поскольку соответствующий концепт не содержит указания на признак продажности, поэтому нельзя сказать, например, *возлюбленная шлюха*, хотя можно сказать *продажная любовь* в значении «проституция». Здесь, таким образом, проявляется своеобразие человеческой категоризации: категория ПРОДАЖНАЯ ЖЕНЩИНА является более жесткой, чем категория ЛЮБОВЬ. Поэтому трудно возвысить шлюху до представления о любовном переживании, но легко низвести любовь до представления о купле-продаже женщины через метонимическую модель «продажа любовных утех»→ «продажа любви»→ «продажная женщина». < стр. 18 > Концепт «проституция» также образуется пересечением категорий ЛЮБОВЬ и ПРОДАЖНОСТЬ, однако здесь проявляется не метонимия в чистом виде, а импликационная связь объектов, основанная на общности сущностей объективного мира по определенным признакам [Шафиков 2004: 148]. Это связано с естественным пересечением субкатегорий любви, связанным с физическим влечением (*libido*) и сердечным влечением (*cupido*). Проституируется именно физическая составляющая любви, поэтому индивидуальная сердечная любовь и любовь проститутки несовместимы так же как гений и злодейство.

Таким образом, утверждение о том, что концептуализация есть процесс, обратный категоризации, верно только отчасти, в том смысле, что речь идет о выделении отдельных смыслов, связанных с означиванием выделяемых сегментов реального мира (концептуализация) и об объединении этих смыслов в общие рубрики (категоризация). Однако категоризация есть не только объединение, но и всякая типизация, и в этом смысле категоризация неотличима от концептуализации как процесса и результата выделения

типовых смыслов. Накопление знания связано с усложнением концептов, которые начинают, с одной стороны, дробиться, а, с другой стороны, концентрироваться вокруг наиболее общих смыслов. Таким образом, усложнение знания ведет к усложнению концептов и превращению их в категории.

6. Категории и концепты

Из вышеизложенного следует, что объектами категорий выступают как сами сущности объективного мира, так и определенные концепты, представляющие эти сущности, например концепты-понятия «любовник», «возлюбленный», «испытывать любовное чувство к лицу противоположного пола» и т.д. составляют объекты категории ЛЮБОВЬ.

И категория, и концепт имеют типизирующую функцию. Однако концепт объединяет разнородные категории, а категория объединяет однородные концепты. Например, концепт «проститутка» объединяет такие категории как ПРОДАЖНОСТЬ, БЕССТЫДСТВО, ПОШЛОСТЬ, ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ (как < стр. 19 > правило), ЛОЖЬ и т.д., которые не пересекаются внутри одного разряда. Эти категории отражают обособившиеся разнородные признаки, характеризующие объекты категории ПРОДАЖНАЯ ЖЕНЩИНА. Каждая из перечисленных категорий включает однородные объекты, например категория ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ включает в себя такие объекты как плата, приз, премия, гонорар, грант, подарок и т.д.

Отчуждение признаков, образующих эти концепты-понятия, служит средством концептуализации категории. Например, некоторые атрибуты категории ПТИЦА служат концептуализации свойств птицы: «способность щебетать» → «секретный источник информации» (*little bird*; e.g. *a little bird told me*), «размер птицы» → «малая величина» (*to eat like a bird, a bird in the hand*) «птичий мозг» → «отсутствие интеллекта» (*bird-brained*), «птица в клетке» → «узник» (*jailbird, to do bird* «сидеть в тюрьме»), «редкая птица» → «странный человек» (*rare bird*: e.g. *he is a strange old bird*). Аналогичным образом, негативные в глазах общественного мнения атрибуты типа продажной

женщины выражаются в расширении концепта на другие категории. Например, существительное *bitch* в английском языке может употребляться как оскорбительное выражение, которое характеризует неприятную для говорящего женщину (категория ЖЕНЩИНА): “the silly bitch went and told the police” или может обозначать что-то трудное и малоприятное (категория ПРОБЛЕМА): *I love that silk dress, but it’s a bitch to wash*, или, употребляясь в качестве глагола, означает «сплетничать, перемывать кости, говорить гадости» (категория СПЛЕТНИ): *we were all bitching about the boss when she walked in*, или «постоянно жаловаться, брюзжать» (категория ЖАЛОБА): *stop bitching!* [Longman 1995].

И категория, и концепт объективируются наименованием. «Если вербализация концепта не свершилась, значит, процесс познания не завершен» [Иванова 2004: 76]. Иное дело – категория, которая в отличие от концепта не обязательно имеет наименование. Наименования как формальные структуры не могут охватить все, что можно помыслить и представить себе в виде некоей рубрики, такой как «все, что принадлежит императору» < стр. 20 > (угодья, рабы, дворцы и т.д.), «летающие животные» (птицы и рукокрылые млекопитающие), «все, что вызывает страх» (змея, темнота, звук сирены, высота), «все, что я люблю» (застолье, женщины, беседы, книги и т.д.). Можно также допустить существование категории с объектами типа дети, драгоценности, телевизоры, картины, рукописи, фотоальбомы на том основании, что все это подлежит первоочередному выносу из горящего дома [Михеев, Фрумкина 1991: 58]. Если же в основе категории лежит общий концепт, такая категория (лексическая категория) получает наименование по представляющему ее концепту.

Использование наименования категории для объекта другого рода не является достаточным основанием для включения этого объекта в категорию. Например, категория МЕДВЕДЬ включает в себя такие объекты как бурый медведь, полярный медведь, панда, коала, но не такой объект как плюшевый медведь, который относится к функциональной категории ИГРУШКА. Аналогичным образом, виды любви, такие как страстная любовь, первая

любовь, любовь с первого взгляда, супружеская любовь относятся к одноименной категории. Виды любви отличаются от видов симпатии (уважение, дружба, восхищение, почитание и т.д.), а также от смежных категорий, связанных с проявлением чувства: любовь к вину (привычка), любовь к мясу (удовольствие), любовь к игре (страсть). Проявление чувства в этих случаях не удовлетворяет основным признакам данной категории, выраженной в дефиниции «сильное сердечное влечение» [Ожегов, Шведова 2000].

Существование категории не зависит от степени типизации объектов, которые ее представляют. Поэтому объектами категории могут быть типы объектов мира или сами индивидуальные объекты. Например, объектами категории ПРОДАЖНАЯ ЖЕНЩИНА являются как виды проституток (бордельная проститутка, вокзальная проститутка, трассовичка, девочка по вызову и т.д.), так и индивидуальные проститутки (например в античной проституции: Архедика, Родопис, Таис и т.д.), а представителями категории РУКА являются индивидуальные руки людей, обобщенные в виде единого кванта знания.

< стр. 21 > 7. Концепты и понятия

Концепт представлен в языке значением или сложной взаимосвязью значений, которая называется семантическим полем. Как определенное содержательное объединение языка, семантическое поле варьируется по степени психологической реальности. Далеко не всякая концептуальная сфера соответствует семантическому полю, поскольку для этого концептуальная сфера должна типизироваться общим концептом. Степень психологической реальности семантического поля уменьшается по мере удаления от среднего уровня категоризации, почти исчезая на верхних уровнях абстракции, например в таких категориях, как ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНОЕ, ЖИВОЕ и т.д. «Крупное содержательное объединение, соответствующее такой концептуальной рубрике идеографического словаря как ЧЕЛОВЕК, вряд ли психологически может считаться семантическим полем, в отличие от его структурных частей, каждое

из которых интуитивно осознается как обозримое и ясное целое, например поле наименований лица, частей тела, чувств, глаголов говорения, мышления и т.д.» [Шафиков 1999: 38].

Концепты выражают ориентированные на человека, наивные, а не научно-философские представления о мире, поскольку *primum vivere, deinde philosophari* (то есть философия следует за жизнью, а не наоборот). Чем абстрактнее концепт, тем менее умопостигаемым он становится для общего коллектива носителей языка и тем более превращается он в интеллектуальную категорию для людей умственного труда. Концепты, которые состоят только из категориальных компонентов типа оценка, модальность, пропозиция и т.д., не имеют образного содержания, являясь, по существу, как и представляющие их значения, категориями [Васильев 2004: 15].

Разумеется, повседневные понятия также варьируются по степени абстрактности, например понятия правды, любви, цвета, руки, чашки и т.д. Однако за каждым из этих понятий стоят легко распознаваемые всеми образцы соответствующих категорий, в отличие, например, от языковых категорий, таких как ПАДЕЖ, ТАКСИС, НАКЛОНЕНИЕ и т.д. Поэтому вряд ли правомерно говорить о концептах падежа, таксиса, наклонения. Так же вряд ли **< стр. 22 >** можно говорить о научно-технических понятиях из разных областей знания в качестве концептов общего пользования, например о понятиях «параллакс» (видимое изменение положения тела вследствие перемещения глаза наблюдателя), «дискриминант» (формула для решения алгебраических квадратных уравнений), «спин» (момент количества движения кванта) [СЭС 1980] и т.д. Эти понятия концептуальны только для специалистов и поэтому не входят в концептуальную модель мира «среднего человека», ориентированного на средний уровень категоризации.

Таким образом, различие между концептами, с одной стороны, и понятиями, с другой стороны, состоит не только в том, что концепт, кроме понятия, может включать в себя также представление, ассоциацию, образ (в том числе художественный образ). Различие заключается также в том, что понятийный концепт относится к повседневной реалии, в отличие от понятия

(логической структуры) как совокупности существенных признаков означаемого.

Психологическая обоснованность существования концепта зависит от степени повседневного антропоцентризма. В наибольшей мере это проявляется в отношении к вещам, которые окружают человека определенной культуры в повседневной жизни. Например, если сравнить современных домашних животных с динозаврами, то представление о таких животных, как собаки и кошки, разумеется, будет «более человеческим», чем представление о динозаврах, поскольку с первыми человек сталкивается постоянно, а вторые известны только в качестве реконструкции ископаемых останков. Описывая соответствующие концепты, А. Вежбицкая говорит, что собаки послушны воле человека, а кошки гуляют сами по себе, что собаку одной рукой обычно не поднимешь, но, встав на задние лапы, собака может оказаться вровень с человеком, что кошки не только пушисты, но их приятно гладить и т.д. [Wierzbicka 1985: 168]. Ничего подобного нельзя сказать о динозаврах в силу их большей (по сравнению с собаками и кошками) психофизиологической удаленности от человека и несовместимости с человеком в одном пространственно-временном мире.

< стр. 23 > 8. Любовь и категоризация

Ментальную структуру, представляющую любовное чувство человека, можно рассматривать и как категорию, и как концепт. Как категория эта структура, прежде всего, включает в себя такие объекты как романтическая любовь, любовь к родителям, любовь к музыке, любовь к родине и т.д. Кроме того, как суперкатегория эта структура состоит из подчиненных категорий (субкатегорий), таких как РОМАНТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ, СУБЪЕКТ РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ, ОБЪЕКТ РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ, РОМАНТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ и т.д.

Рассмотрение субкатегории романтической любви требует выявления всех возможных объектов и примеров, характеризующих объекты этой категории, например любовь мужчины к женщине или женщины к мужчине,

влюбленность, плотская любовь, платоническая любовь, страстная (безумная) любовь, первая любовь, взаимная любовь, безответная любовь, однополая любовь и т.д. Все эти объекты, представляющие общую категорию, в свою очередь, представлены, примерами из реальной или идеальной (литературной) жизни, например, любовь Сольвейг, взаимная любовь Ромео и Джульетты, Лейлы и Медждунун, Дафниса и Хлои, Марсея Сердана и Эдит Пиаф, Фредерика Шопена и Жорж Санд, любовь Данте к Беатриче, Тургенева к Полине Виардо, Петрарки к Лауре и т.д.

Очевидно, прототипическим объектом можно считать страстную любовь, которая отражается вербально в виде многочисленных языковых выражений, например в английском языке: *adore, be besotted, be daft about, be devoted to, be gone on, be potty about, be sappy on, be taken with, be wild about, be crazy about, be dotty about, be infatuated with, be head over heels in love with, be hipped, be mad about, be nuts over/about/on, be spellbound, be struck on, dote on, have a passion for, think the world of*; во французском языке: *adorer, aimer à la folie, aimer qn comme (plus que) ses yeux, aimer qn comme les yeux de la tête (pop.), aimer qn comme ses (petits) boyaux (pop.), avoir une véritable adoration pur qn, être passionné de (pour) qn, tenir à qn par de fortes attaches*. Можно также выделить периферийные случаи, которые располагаются на границе категории, например инцест (любовь римского папы Александра < стр. 24 > VI к его дочери Лукреции Борджиа, любовь императора Калигулы к его сестре Друзилле и т.д.), любовь между гомосексуалистами (например, любовь Оскара Уайльда к лорду Дугласу, любовь Верлена к Рембо), любовь педофила (например, любовь Гумберта к Лолите из одноименного романа Владимира Набокова) и т.д. Эти примеры свидетельствуют о том, что ЛЮБОВЬ можно рассматривать как радиальную категорию, в которой есть прототип и другие объекты, расположенные с разной степенью удаленности от прототипа. Например, любовь зрелого мужчины к девочке-подростку (Гумберт и Лолита) выглядит более нормальной, чем любовь мужчины к своей сестре (Калигула и Друзилла), поскольку родственная кровь является более сильным ингибитором, чем возраст; еще менее обычной в общественном сознании выглядит

гомосексуальная любовь; наконец можно найти самые крайние случаи, например любовь между женщиной и дельфином, который умер, выбросившись на берег от тоски после отъезда любимой домой.

9. Любовь и концептуализация

Для отграничения концепта необходимо найти точки пересечения ядерного концепта со смежными концептами. Например, ядерный концепт «любовь», понимаемый как сильное сердечное чувство субъекта к объекту, находится в отношениях включения и пересечения с концептами «желание», «вожделение», «интерес», «уважение», «восхищение», «дружба», «очарование», «впечатление» и т.д.

Описание концепта связано с толкованием значения его имени и ближайших обозначений [Карасик 2004: 109-110]. Поэтому, как уже указывалось выше, связь концепта с пересекающимися концептами прослеживается в дефинициях, например концепт «любовь» толкуется в дефинициях глаголов, выражающих соответствующие понятия, например: *care for someone* 1) “to love someone, especially in a way that is based on *friendship* rather than sex” (e.g. *she made him feel special and cared for*) («дружба»); *care for someone* 2) “to like or want something or someone” (e.g. *I don't much care for chocolate*) («желание»); *desire* “to want someone as a sexual partner” («вожделение»); *enchant* “to interest and attract < стр. 25 > someone very strongly” (e.g. *we were all enchanted by the island*) («интерес»); *impress* “if someone or something *impresses* you, you admire them” (e.g. *her carvings attracted many admirers but her paintings failed to impress*) («впечатление»); *worship* “to love and *admire* someone or something very much” (e.g. *his junior officers worshipped him*) («восхищение»); *charm* “to deliberately make someone like you so that *they do what you want them to do*” (e.g. *he was able to charm my mother into helping him financially*) («колдовство»); *esteem* “to admire and *respect* someone” («уважение»). Кроме того, внутренняя форма многих мотивированных номинаций ассоциируется с рядом других концептов, в частности

«сумасшествие» (*be crazy about someone*), «удар» (*be smitten*), «острота» (восприятия) (*to be keen on something*) и т.д.

Рассмотрение концепта «романтическая любовь» требует изучения языковых значений, выраженных в словах, фразеологических единицах и суждениях паремического характера, которые представляют данный концепт.

В самом простом случае базовый концепт, обозначаемый наименованием романтической любви (например *love* в английском языке, *aimer, amour, sympathie, amitié* во французском языке), коррелирует с другим концептом, создавая сложное концептуальное целое, то есть когнитивную модель (термин Лакоффа), построенную на сравнении, утверждении или отрицании какого-либо свойства любви. При этом *одна и та же когнитивная модель может передаваться в разных языках через разные образы*, более того, в рамках одной и той же когнитивной модели в одном языке можно найти суждения, которые вступают друг с другом в противоречие. Например: 1) в английском языке разлука рассматривается как катализатор любовного чувства (*absence makes the heart grow fonder*), а во французском языке как «враг любви» (*l'absence est l'ennemi de l'amour*); 2) то, что любовь сторонится общественного ока, выражается в английском языке суждением о том, что скрыть любовь невозможно (*love and a cough cannot be hid*), а во французском языке утверждается антитеза «холодный монах – горячая любовь» (*froids moines, chauds amours*), то есть утверждается способность даже страстной любви < стр. 26 > укрыться под маской холодной личины, что, разумеется, вполне возможно; 3) корреляция **любовь ~ бедность** в английском языке имеет положительный смысл, то есть утверждается, что любовь вполне уживается с бедностью, в то время как во французском языке эта корреляция имеет отрицательный смысл, то есть любовь и бедность вместе не уживаются (англ. *love in a cottage*; фр. *l'amour et la pauvreté font ensemble mauvais ménage*); 4) корреляция **любовь ~ ценность** в английском языке имеет положительную (оптимистическую) маркированность, поскольку утверждается, что любовь вознаграждается любовью же (*love is the reward of love; love is the true price of love*); во французском языке пословица, связанная с данной семантической

корреляцией, утверждает, что за любовь приходится платить страданием (*qui aime bien, chatie bien*). Наоборот, в корреляции **любовь ~ болезнь** более оптимистичной представляется коммуникативный эквивалент во французском языке, который утверждает, что любовь лечится (*les lunettes et les cheveux gris sont des remèdes d'amour*), в отличие от пессимистически ориентированного английского эквивалента (*no herb will cure love*); правда, оптимизм французского утверждения приправлен изрядной долей иронии, ведь для того, чтобы излечиться от любви предлагается постареть!

Метонимические и метафорические образы, представляющие концепт «любовь» через соотнесение абстрактного с конкретным, раскрывают общие свойства романтической любви, которые выражаются в значениях мотивированных языковых выражений. Лишь в редких случаях внутренняя форма языкового выражения прямо указывает на концепт; чаще всего концепт выражается опосредованно через метафорический образ. Можно выделить два фундаментальных образа любви: 1) **ЛЮБОВЬ ЕСТЬ НЕКТО** («нечто живое»), 2) **ЛЮБОВЬ ЕСТЬ НЕЧТО** («нечто неживое»). Эти фундаментальные образы представлены в конкретных образах.

ЛЮБОВЬ ЕСТЬ НЕКТО («нечто живое»)

любовь ~ живое существо: «слепое существо, которое не видит недостатков» (англ. *love is blind*); «мать, которая рождает потомство» (англ. *love is the mother of love / love begets love*); «существо, которое подобно человеку обитает в жилищах» (англ. **< стр. 27 >** *love lives in cottages as well as in courts*); «существо, с которым, в отличие от человека, нельзя шутить» (фр. *on ne badine pas avec l'amour*); «существо, для которого разлука является смертельным врагом» (фр. *l'absence est l'ennemi de l'amour*)

любовь ~ сердце как часть живого существа: «сердце есть человек, способный как всякий человек, любить и забывать» (англ. *the heart that once truly loves never forgets*); «полюбить значит потерять/лишиться сердца» (англ. *lose one's heart to*, фр. *avoir le coeur pris*); «заставить полюбить значит очаровать чье-то сердце» (фр. *charmer le coeur*); «любить значит носить чувство в сердце» (фр. *porter dans son coeur*; англ. *absence makes the heart grow fonder*)

ЛЮБОВЬ ЕСТЬ НЕЧТО («нечто неживое»); при этом «нечто» может пониматься как нечто конкретное или нечто абстрактное

ЛЮБОВЬ ЕСТЬ НЕЧТО КОНКРЕТНОЕ

любовь ~ огонь: «зажечься» (то есть «влюбиться») (фр. *prendre feu*); «старая любовь это головешка, которую можно всегда раздуть» (фр. *vielles amours et vieux tisons s'allument en toutes saisons*)

любовь ~ предмет, который можно отдать (фр. *qui donne ce qu'il aime ne prend ce qu'il désire*)

любовь ~ путь (англ. *the course of true love never did run smooth*)

любовь ~ предмет, который поддается измерению (англ. *faults are thick where love is thin*)

любовь ~ война (англ. *all is fair in love and war*)

любовь ~ металл: «старая любовь не боится ржавчины» (фр. *vieille amitié ne craint pas rouille*)

ЛЮБОВЬ ЕСТЬ НЕЧТО АБСТРАКТНОЕ

любовь ~ ценность: «любовь оплачивается любовью» (то есть ценность любви в самой любви) (англ. *love is the reward of love; love is the true price of love*; фр. *qui aime bien, chatie bien*); «любовь так же ценна, как кишки» (фр. *aimer qn comme ses (petits) boyaux*); «любовь так же ценна, как глаза» (фр. *aimer qn comme (plus que) ses yeux; aimer qn comme les yeux de la tête*)

любовь ~ могучая сила: «любовь смеется над замками (препятствиями)» (англ. *love laughs at locksmiths*); «любовь < стр. 28 > проползет там, где не сможет пройти» (англ. *love will creep where it may not go*); «любовь заставляет танцевать даже осла» (фр. *l'amour apprend aux ânes à danser*); «любовь преодолевает препятствия» (фр. *l'amour rapproche les distances*); «старая любовь это головешка, которую можно всегда раздуть» (фр. *vielles amours et vieux tisons s'allument en toutes saisons*); «любви все возрасты покорны» (фр. *l'amour est de tous les ages*); «любовь нельзя подчинить» (англ. *love cannot be compelled*; фр. *sympatie ne se commande pas*); «ссора между влюбленными только еще больше разжигает любовь» (англ. *the falling out of lovers is the renewing of love*; фр. *querelles d'amants, renouvellements d'amours*)

любовь ~ что-то, что обязывает: «любишь меня, люби мою собаку» (англ. *love me, love my dog*; фр. *qui m'aime, aime mon chien*); «кто меня любит, следует за мной» (фр. *qui m'aime me suit*)

любовь ~ слабость, болезнь, ранение: «быть больным любовью» (англ. *be lovesick*), «любовная болезнь» (англ. *lovesickness*), «испытывать слабость к кому-то» (фр. *avoir un faible pour qn*); «быть сраженным» (англ. *be smitten; be struck on*); «быть раненым в крыло» (фр. *en avoir dans l'aile*); «нанести удар (укол)» (фр. *faire un touche*); «нет лекарства от любви» (англ. *no herb will cure love*); «единственное, что излечивает любовь, это очки и седина пожилого человека» (фр. *les lunettes et les cheveux gris sont des remèdes d'amour*); концепт «любовь» передается также через образ падения, поскольку побеждающая сила любви лишает человека привычной устойчивости; будучи поверженным ниц трудно сопротивляться: англ. *be head over heels in love with; fall for; fall in love with*; фр. *tomber amoureux*

любовь ~ что-то, что не забывается: (англ. *the heart that once truly loves never forgets*; фр. *on tient à ses vieilles admirations; vieilles amours et vieux tisons s'allument en toutes saisons*); «старая любовь не ржавеет» (фр. *vieille amitié ne craint pas rouille*); «кто любит, тот не забывает» (фр. *qui bien aime tard oublie*)

любовь ~ что-то, что стремиться к укромности: «любовь, как и кашель нельзя скрыть» (англ. *love and a cough cannot be hid*); «страстная любовь под маской бесстрастного монаха» (фр. *froids moines, chauds amours*)

< стр. 29 > любовь ~ везенье: «везет в картах – не везет в любви» (англ. *lucky at /in cards, unlucky in love*); (фр. *heureux au jeu, malheureux en amour*)

любовь ~ бедность: «любовь в хижине» (то есть «с милым рай в шалаше») (англ. *love in a cottage*); «любовь живет и в хижинах, и во дворцах» (англ. *love lives in cottages as well as in courts*); «любовь и бедность плохо сочетаются» (фр. *l'amour et la pauvreté font ensemble mauvais ménage*)

любовь ~ разлука: «разлука укрепляет любовное чувство» (англ. *absence makes the heart grow fonder*); «разлука вредит любви» (фр. *l'absence est l'ennemi de l'amour*)

любовь ~ красота: «не бывает некрасивой любви» (фр. *il n'y a point de laides amours / il n'y a point de belles prisons ni de laides amours*)

любовь ~ нечто, что заполняет или захватывает: (англ. *be taken with*; англ. *catch/take one's fancy*)

любовь ~ сумасшествие или глупость: (англ. *be daft about*; *be besotted*; *be crazy about*; *be dotty about*; *be mad about/on*; *be nuts about/on/over*; *be potty about*; *be sappy on*; фр. *être fou de*; *être toqué de qn*; *be wild about*)

любовь ~ нечто мягкое или нежное: (англ. *be soft on*; *be sweet on*; *honey*, *sweetheart*, *sweetie*, *sweetie-pie*)

любовь ~ безвыходное положение: (англ. *be stuck on*)

любовь ~ колдовство или очарование волшебной силой: (англ. *be spellbound*).

Любовь есть чувство, а чувства, как и ментальные состояния, плохо поддается толкованию, поэтому свойства любви передаются через подобие, через соотнесение с чем-то более понятным и простым. Таким образом, в основе концептуализации всех эмоций, в том числе любви, лежит «единый принцип уподобления того, что недоступно прямому наблюдению (реакции души), тому, что может наблюдаться непосредственно (реакции тела)» [Апресян 1995: 461]. Объяснение любви через образы («металл, который не боится ржавчины», «огонь, который охватывает человека», «болезнь, от которой нет лекарства», «сумасшествие», могучая сила, которая увлекает или поражает человека и «смеется над всеми попытками запретить или воспрепятствовать» и т.д.) < стр. 30 > гораздо лучше объясняет феномен данной эмоции, чем любое научное толкование, например такое: «любовь есть специфическое чувство высокоорганизованной материи».

10. Любовь-фрейм, любовь-схема и сценарий продажной любви

Существование концепта принципиально не нуждается в другом концепте (хотя концептуальный анализ, как правило, показывает смежные или иерархически взаимосвязанные концепты), в то время как категория существует только благодаря наличию членов, которых должно быть не менее двух.

«Невозможно воспринимать только чистые особенности, и невозможно понять класс, который состоит только из одного члена. Чтобы говорить о признаке, необходимо, по крайней мере, иметь два члена одного класса» [Saugstad 1989: 91].

Совершенно иначе обстоит дело с фреймом. Фрейм как вид концепта представляет собой когнитивную структуру, которая объединяет значения в стереотипической ситуации (типе ситуаций) [Минский 1988: 289]. Фрейм состоит из *слотов*, особых концептов, количество которых соответствует количеству элементов, выделяемых в данном виде знания. Например, фрейм физического объекта состоит из слотов, соответствующих разнообразным аспектам опыта человека с объектами определенного типа [Кобозева 2000: 65]. Слотами фрейма «романтическая любовь» можно считать: любовное влечение (в английском языке: *love*; во французском языке: *amour*), любовная связь (в английском языке: *amour, dalliance, holiday romance, intrigue, liaison, love affair, love-hate, love-hate relationship, office romance, romance*; во французском языке: *affaire de coeur, amourette, liaison, passade*), субъект влечения (в английском языке: *admire, lover, passion, romeo, swain, worshipper*; во французском языке: *admirateur, admiratrice, adoreur, adoratrice, amant, amoureux, amoureux, bien-aimé, bien-aimée, maîtresse, soupirant*), взаимность (в английском языке: *reciprocity*; во французском языке: *réciprocité*), ревность (в английском языке: *jealousy*; во французском языке: *jalousie*), верность (в английском языке: *fidelity*; во французском языке: *fidélité*), измена (в **< стр. 31 >** английском языке: *adultery*; во французском языке: *adultère*), соперник (соперница) (в английском языке: *rival*; во французском языке: *rival*), разлука (в английском языке: *separation*; во французском языке: *separation*) и т.д.

Схема как вид концепта есть логическая единица когнитивного процесса. Инвариантной схемой концепта «любовь» является схема **S, O (влечение)**, в которой можно выделить разные варианты, такие как «схема направления» или «схема развития».

СХЕМА НАПРАВЛЕНИЯ: 1) $S \rightarrow O$ (влечение) (действие исходит от S), например: *любить, влюбиться в кого-то, быть без ума от кого-то, обожать*

кого-то; 2) S ↔ O (влечение) (действие исходит одновременно от S и O), например: *любить друг друга*; 3) S ← O (действие исходит от O), например: *очаровывать, привлекать, околдовать, влюбить в себя*.

Возможны также другие схемы в отличие от схемы направления, например схема развития. СХЕМА РАЗВИТИЯ: влюбленность → развитие чувства → завершение чувства (нежность, дружба, остывание любовного чувства, равнодушие и т.д.).

Фрейм как определенная ситуация может рисоваться человеку в виде некоторой последовательности действий, которая затем реализуется в качестве сценария. Однако реальная ситуация в виде сценария может не совпадать с фреймом, который отличается от индивида к индивиду. Например, знание действий, характеризующих только отечественный аэропорт, создает *ограниченный фрейм*, который может вызвать у кого-то затруднения при совершении действий на международных рейсах. В международном аэропорту иначе осуществляется посадка, высадка из самолета, получение багажа, выезд из аэропорта назначения и т.д. Кроме того, индивидуальная неповторимость концептуальной модели мира, в которую кроме концептов-понятий, встроены концепты-оценки, вызывает большие различия в эквивалентных фреймах. Например, фрейм «публичный дом» может отличаться у продавца и покупателя любовных услуг. Герой рассказа А.П. Чехова «Припадок», посещая публичный дом, испытывает сильнейшую фрустрацию, которая кончается нервным срывом, вследствие несовпадения своего фрейма порядочного человека и фреймов обитателей низкопробного борделя. Клиенту услуг навязывается сценарий, который противоречит его фрейму. То, что должно с точки зрения покупателя продажной любви выглядеть сокровенным, здесь происходит как обычное физиологическое отправление; при этом проститутки даже не пытаются прикрыть откровенную халтуру, которая не может заменить необходимый для продажи любви флирт.

«Воображение Васильева рисовало, как минут через десять он и его приятели постучатся в дверь, как они по темным коридорчикам и по темным комнатам будут красться к женщинам, как он, воспользовавшись потемками, чиркнет спичкой и вдруг осветит и увидит страдальческое лицо и виноватую улыбку. Неведомая блондинка или брюнетка наверное будет с распущенными волосами и в белой ночной кофточке; она испугается

света, страшно сконфузится и скажет: "Ради бога, что вы делаете! Потушите!" Всё это страшно, но любопытно и ново...». Действительность оказывается куда обыкновеннее, предъявляя герою неприкрытое равнодушие и бесстыдство бордельной проститутки. «Никто не торопился, никто не прятал в воротник своего лица, никто не покачивал укоризненно головой... И в этом равнодушии, в звуковой путанице роялей и скрипок, в ярких окнах, в настежь открытых дверях чувствовалось что-то очень откровенное, наглое, удалое и размашистое. Должно быть, во время оно на рабовладельческих рынках было так же весело и шумно и лица и походка людей выражали такое же равнодушие.»<...> Героя раздражает пошлость обстановки, в которой происходит акт продажной любви. «Всё было обыкновенно, прозаично и неинтересно. Одно только слегка раздражало его любопытство - это страшная, словно нарочно придуманная безвкусица, какая видна была в карнизах, в нелепых картинах, в платьях, в аксельбанте. В этой безвкусице было что-то характерное, особенное. "Как всё бедно и глупо! - думал Васильев. - Что во всей этой чепухе, которую я теперь вижу, может искусить нормального человека, побудить его совершить страшный грех - купить за рубль живого человека? Я понимаю любой грех ради блеска, красоты, грации, страсти, вкуса, но тут-то что? Ради чего тут грешат? Впрочем... не надо думать!"» < стр. 33 >

Нецензурная брань, столь привычная для проституток, оскорбляет достоинство «неправильного клиента». «Женщина <...> захохотала и громко произнесла отвратительную фразу. Гадливое чувство овладело им <...>». Клиент не понимает, что для совершения развратных действий требуется определенная степень развратности натуры, которая кажется проституткам вполне обыкновенным делом, поэтому виноватой себя не чувствует ни одна продажная женщина. <...> «или он не умел читать на лицах, или же ни одна из этих женщин не чувствовала себя виноватой - на каждом лице он читал только тупое выражение обыденной, пошлой скуки и довольства. Глупые глаза, глупые улыбки, резкие, глупые голоса, наглые движения - и ничего больше. По-видимому, у каждой в прошлом был роман с бухгалтером и с бельем на пятьдесят рублей, а в настоящем нет другой прелести в жизни, кроме кофе, обеда из трех блюд, вина, кадрили, спанья до двух часов...» (А.П. Чехов «Припадок»).

Резюме

1. И категории, и концепты суть ментальные структуры, единицы памяти и языка мышления, то есть своеобразные кванты знания, которыми оперирует человек в процессе мышления; таким образом, мышление структурируется ментальными образованиями, которые можно называть категориями и концептами в зависимости от угла зрения.

2. Усложнение ментальных структур осуществляется по направлению от концептов к категориям.

3. Первичные концепты (концепты-понятия) образуются выделением смыслов, отражающих внеязыковую действительность и совокупно представленных в наивной концептуальной модели мира, в то время как производные концепты (ассоциации) создаются пересечением категорий.

4. Категории объединяют гомогенные множества (концепты), а концепты объединяют гетерогенные множества (категории); иначе говоря, концепты объединяют категории, а категории объединяют концепты.

5. Категории не имеют образной составляющей, следовательно, лишены модальности, в то время как любой [< стр. 34 >](#) концепт выражает субъективное отношение к объекту обозначения.

6. Чем выше по шкале «конкретное» ↔ «абстрактное», тем явственнее происходит процесс перехода концептов в категории.

7. Все концепты вербализуются в языке, в то время как категории могут не иметь закрепленной в языке формы выражения, однако вербализация категории является типичной для любого языка.

8. Концепты в отличие от понятий относятся к наивной категоризации; напротив, понятия представляют собой все виды совокупностей существенных признаков, в том числе концептов.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1995 - Апресян Ю.Д., Апресян В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций // Ю.Д. Апресян. Избранные труды, 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995, 453-465.

Бабушкин 1998 - Бабушкин А.П. типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. АДД. – Воронеж, 1998.

Балли 1961 - Балли Ш. Французская стилистика. – М., 1961.

Блох 1994 - Блох И. История проституции. – СПб, 1994.

Болдырев 2000 - Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии. – Тамбов, 2000.

- Васильев 2004* - Васильев Л.М. О понятиях и терминах когнитивной лингвистики // Исследования по семантике. Уфа, РИО БашГУ, 2004, 10-18.
- Воркачев 2003* - Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. М., МГУ 2003, 12, 5-12.
- Зайнуллина 2003* - Зайнуллина Л.М. Лингвокогнитивное исследование адъективной лексики (на материале английского, русского, башкирского, французского и немецкого языков). – Уфа, РИО БашГУ, 2003.
- < стр. 35 >** *Иванова 2004* - Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: Сопряжение парадигм. – Уфа, РИО БашГУ, 2004.
- Карасик 2004* – Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004
- Кобозева 2000* - Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М., 2000.
- КСКТ 1996* - Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
- Кубрякова 1997* - Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997.
- Лакофф, Джонсон 1990* - Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990, 387-415.
- Минский 1988* - Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988, 23, 281-309.
- Михеев, Фрумкина 1991* - Михеев А.В., Фрумкина Р.М. Категоризация и концептуальные классы // Семантика и категоризация. – М., 1991, 45-59.
- Мурясов 1968* - Мурясов Р.З. Выражение лица средствами словообразования в современном немецком языке // Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1968, 46.
- Мурясов 1998* - Мурясов Р.З. Структура словообразовательных полей лица и инструмента в современном немецком языке // Р.З. Мурясов. Избранные труды по германскому и сопоставительному языкознанию. Уфа, РИО БашГУ, 1998, 45-59.
- Попова, Стернин 2002* - Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2002.

Рахилина 2000 - Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики//Известия РАН: серия литературы и языка. 2000, 59, 3, 3-15.

Самигуллина 2006 - Самигуллина А.С. Семиотика концептов: К проблеме интерпретации субъективных смыслов. – Уфа, РИО БашГУ, 2006.

Уорф 1961 - Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. М., 1961, 1.

< стр. 36 > *Шафиков 1999* - Шафиков С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц. – Уфа, РИО БашГУ, 1999.

Шафиков 2000 - Шафиков С.Г. Прагматические категории и типология // Germanica. Slavica. Tirkica. К 60-летию проф. Р.З. Мурясова. Уфа, РИО БашГУ, 2000, 290-307.

Шафиков 2004 - Шафиков С.Г. Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий. – Уфа, РИО БашГУ, 2004.

Lakoff 1990 - Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. – Chicago and London, The University of Chicago Press, 1990.

Saugstad 1990 - Saugstad P. Language: a Theory of its Structure and Use. – Oslo, 1989.

Ungerer, Schmid 1996 - Ungerer F., Schmid H.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics. – London-New York, 1996.

Wierzbicka 1985 - Wierzbicka A. Lexicography and Conceptual Analysis. – Ann Arbor, 1985.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ожегов 2000 - Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка - М., 2000, 4-е издание.

СЭС 1980 - Советский энциклопедический словарь. – М., 1980.

Oxford 1997 - The Oxford Dictionary and Thesaurus. – Oxford university press, 1997.

Longman 1995 - Longman Dictionary of Contemporary English. – 1995.

Larousse 2004 - Le Petit Larousse Illustré – Paris, 2004